

Если вы хотите узнать, что такое настоящий театральный художник,

если вы хотите понять, какими путями из реальных жизненных наблюдений возникают условные формы театральных декораций, то идите на выставку Александра Васильева, которая открылась в Центральном Доме актера.

На выставке наряду с эскизами для театра широко представлена живопись и графика. Это естественно, потому что подлинный художник сцены — это прежде всего художник в самом широком смысле слова, то есть человек, умеющий выражать свои мысли языком живописи, рисунка, пластики. Однако обычно театральные художники занимаются живописью и графикой от случая к случаю. Мешает огромная повседневная профессиональная нагрузка, связанная с выпуском спектаклей.

Такова нелегкая доля и Васильева, загруженного, помимо театральных дел, еще и активной работой в качестве секретаря правления Союза художников СССР. Но, несмотря на все это, живопись и графика для Васильева, как обнаружилось на выставке, не были лишь приятным дополнением к сценическому творчеству. Именно в этих произведениях, создаваемых в общем-то для себя, раскрылись истоки захватывающего драматизма и глубокой правды, которые свойственны лучшим театральным декорациям Васильева. Более того, именно живопись и графика являются

КИСТЬ И СЦЕНА

для художника связующим звеном между театром и жизнью — в этих работах Васильев определяет и формирует свое эстетическое отношение к действительности.

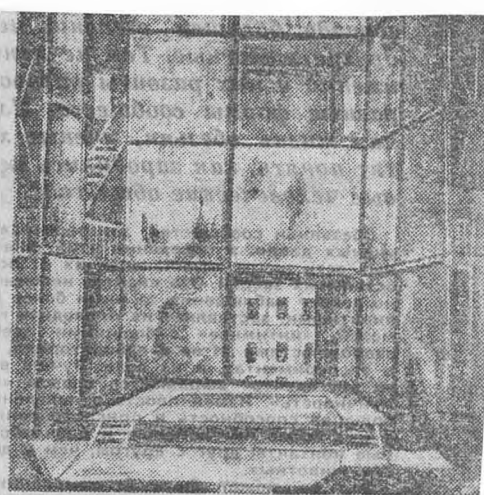
Живописные и графические работы, как уже говорилось, делались художником «для себя». Но о них можно было догадаться, зная Васильева — театрального художника, каким он был в 50-е годы. А был он тогда мастером жанровой, вполне достоверной, пронизанной тонким лиризмом декорации. Сегодня он другой. Утверждаемые им принципы сценического реализма претерпели значительную эволюцию.

И заметно, что спектаклем, в многолетней работе над которым происходили мучительные роды новых форм искусства художника, были «Петербургские сновидения» по роману Ф. Достоевского «Преступление и наказание». Этот процесс показан на выставке в серии эскизов 1963—1968 годов.

На первоначальных эскизах подлинные мотивы реального Петербурга: дома, переплетения арок, крутые, покосившиеся лестницы, заплыванные булыжные мостовые, фонари, подворотни, вонючие трактиры. Уже на этом этапе художник нашел наиболее характерный для Петербурга Достоевского образ каменного колодца унылых доходных домов.

Одновременно с поисками художника у режиссера Ю. Завадского вызревало видение будущего спектакля как «трагипроического балагана». На эскизах, помеченных 1966 годом, видно, как происходило дальнейшее движение художника к обобщенному пластическому образу. От варианта к варианту художник отбрасывает реальные бытовые приметы, которые хотя сами по себе на эскизе и выразительны, но в условиях сцены неизбежно должны были стать бутафорскими или нарисованными. Так исчезает булыжная мостовая, фонарь, водосточные трубы, дома, небо. Окна с реальными переплетами, свисающим сушащимся бельем, геранью сначала становятся черными прямоугольниками, а затем и вовсе исчезают. В окончательном варианте колодец образуют глухие высокие стены, сложенные из металлических сот, ржавых, грубо, неровно, с подтеками залепанных белой известкой. Все это могло в какой-то момент делаться прозрачным, и тогда перед зрителями предстал страшный железный скелет конструкции стен. Герои романа были загнаны в соты, и когда в том или ином месте открывались железные дверцы, то там внутри возникал кусок безрадостной и бредовой жизни...

Работа над «Петербургскими сновидения-

● А. ВАСИЛЬЕВ. Эскиз к спектаклю «Петербургские сновидения» по Ф. М. Достоевскому.

ми», став переломной в творчестве художника, наложила отпечаток на все его последующие спектакли, в том числе «Темп 1929» и «Василий Теркин», в которых большая жизненная правда была выражена в точной и лапидарной форме обобщенных театральных образов.

В. БЕРЕЗКИН,
кандидат искусствоведения.